

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА*

Б.Л. ХАМИДУЛЛИН

В 1877 г. была издана работа Сергея Михайловича Шпилевского¹ (1833–1907) «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии»². В этой книге собрано очень много интересного и полезного для нашей темы исторического, археологического материала. Назову наиболее актуальные для нас разделы книги: «Старая и Новая Казань» (с.68–87), «От нашествия Татар до начала Казанского царства» (с.159–191), «Старая Казань» (с.423–430), «Новая Казань» (с.431–478), «Арск» (с.478–482), «Надгробные памятники и признаки городищ по р. Казанке» (с.482–483), «О Казанской истории неизвестного сочинителя» (с.552–567) и др.

В 1877 и 1882 гг. в типографиях Москвы и Одессы были изданы две книги ученика С.М. Соловьева историка Георгия Ивановича Перетятковича³ «Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)» и «Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края)»⁴. В первой из названных работ, состоящей из шести глав, рассмотрена история славян, финно-угров и тюрков Поволжья со времен формирования Руси и Волжской Булгарии до периода правления

«царя Феодора Иоанновича» и принятия «правительственных мер относительно Поволжья». Наибольший интерес с точки зрения нашей темы представляют главы II–V этого исследования (захват Поволжья монголами – начало колонизации русскими завоеванных территорий Казанского и Астраханского ханств), из которых особо я бы выделил главу III под длинным названием «Казань. Черемисы. Чуваши. Мордва. Татары. Занятия их и религия. Царь и аристократия в Казани. Ногайцы... Астрахань... Отношения России к Казани...» (с.115–176). Здесь Г. Перетяткович пишет: «Страна, в которой находилась Казань, принадлежала к области древней Болгарии», а «у Казанцев была та же религия (магометанская) и те же занятия (торговля и земледелие), что и у Волжских Болгар»⁵. Но, по мнению автора, «не даром столько времени господствовали здесь Монголы, не даром самая Казань была возобновлена бывшим царем Золотой орды: по своим хищническим инстинктам она более напоминает Монголов, чем Волжских Болгар. С воцарением в Казани Улу-Махмета она переводится на новое место и как будто начинает новую деятельность, более соответствующую

щую характеру своих повелителей... Поэтому не без основания некоторые видят в Казани не столько наследницу древнего Булгара, сколько преемницу Золотой орды»⁶. Далее автор анализирует географию и этнический состав Казанского ханства, дает емкие и интересные эпитеты местным народам, описывает их религию, социально-экономический уклад жизни. Очень много места в книге отведено анализу политических взаимоотношений Казани и Москвы. Социально-экономическому положению местных народов в XVI в. посвящены и несколько первых страниц работы Г. Перетятковича «Поволжье в XVII и начале XVIII века».

В 1885 и 1900 гг. в типографии Казанского университета были изданы два тома первого научного исследования по национальной истории «татарского Геродота» Шигабутдина Марджани⁷ (1818–1889) «Мостэфад эл-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар» («Сведения, привлеченные к истории Казани и Булгара», на тат. и араб. яз.)⁸. Здесь автор, на основе эпиграфического, нумизматического, фольклорного, этнографического, археологического материала, многочисленных арабо-персидских и тюркских письменных источников, хранившихся в библиотеках Бухары и Самарканда, недоступных для современных ученых⁹, воспроизводит широкую панораму этнополитической и социально-экономической истории татарского народа. В результате ознакомления с этой работой мы узнаем некоторые интересные подробности истории Казанского ханства, в частности нюансы воцарения в Казани династии Улуг-Мухаммада, о наличии в столице государства восьмиминаретной соборной мечети, высшего учебного заведения (медресе галия), историю возникновения отдельных деревень, мечетей, медресе, историю деяний их настоятелей и т.д. Шигабутдин Марджани в своей работе впервые научно обосновывает активное участие булгар в этногенезе казанских татар, рас-

крывает историческую преемственность Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства...

Самое большое историческое сочинение Ш. Марджани – «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» («Достаточное о предшественниках и заветы потомкам», на араб. яз.)¹⁰. Оно состоит из «Введения...», изданного в 1883 г., и сохранившихся в единственном списке шести рукописных томов. Рукопись представляет собой составленный в виде последовательно следующих друг за другом некрологов библиографический свод. Здесь собраны биографии более 6 тысяч выдающихся личностей мусульманского мира, в том числе около 250 биографий знаменитых мусульман Поволжья.

В 1890 г. свет увидел труд историка-этнографа Михаила Николаевича Пинегина¹¹ (1865–1935) «Казань в ее прошлом и настоящем...»¹². М. Пинегин в этой работе выступил составителем, поэтому неудивительно, что многие места текста книги очень напоминают аналогичные места предыдущих исследований, в частности Н.А. Фирсова. Наибольший интерес для нас представляют параграфы I–VI главы первой, озаглавленной как «Очерки Казанской истории» («Булгарское царство...», с.1–14; «Легенды об основании г. Казани, татарские и русские; объяснение их содержания. – Время основания Казани; о происхождении слов Казань и казанцы», с.15–24; «Возобновление Казани в 1445 г. и начало Казанского царства. Основы его государственного строя; ханы, князья, карачии, мирзы, уланы, сеит; подвластные племена. – Разделение казанской аристократии на партии; их борьба обессиливает государство. – Казанские царевичи на московской службе», с.25–33; «Борьба Казанского царства с Московским государством...», с.34–61; «Очерк местности и укреплений татарской Казани пред взятием ее русскими в 1552 г.», с.62–67; «Осада и взятие Казани царем Иоанном Васильевичем. Значение

этого события в русской истории», с.68–79).

В 1895 г. под редакцией профессора-историка Николая Павловича Загоскина¹³ (1851–1912) увидел свет иллюстрированный указатель «Спутник по Казани»¹⁴, первые два раздела которого посвящены городу Казани и Казанскому ханству, историческим достопримечательностям и памятным событиям тех времен. В указателе мы читаем, что «возникновение Старой Казани должно быть поставлено в тесную связь с покорением татарами восточной Европы»¹⁵, при этом «основателем этого города явился один из ордынских ханов-саинов, преемников Батыея», но «ни Сартак, ни Улагджи»¹⁶. А «Новая Казань» появилась «на пустом месте» «лишь в исходе XIV века»¹⁷, в это же время в пределах «обширного Волжско-Камского края» зародилось «мусульманское Казанское царство»¹⁸. Основываясь на «сложные хронологические вычисления», базирующиеся на сведения «татарских рукописей и устных преданий», Н. Загоскин отмечает, что Старая Казань возникла в 1288 г. (основана, якобы, ханом Туда-Менгу), а Новая Казань – в 1394 или 1402 гг.¹⁹. Обстоятельно он разбирает гипотезы появления названия города – пишет о легендарном котле (по-тат. «казан»), о географической котловине, со ссылкой на исследования К.Ф. Фукса и В.В. Радлова, на «Историю Золотой Орды» Гаммера (Пешт, 1840) и нумизматический материал, отмечает, что оно произошло от имени «Казан-Хан», которое-де принадлежало золотоордынскому хану Туда-Менгу²⁰ (внуку Бату). Далее профессор указывает: «В течение конца XIII-го и всего XIV-го века Казани не удавалось выступить сколько-нибудь определенным образом на арену истории; затерянный в глуши арских лесов, незначительный “Саинов юрт” все еще затирался цветущим могуществом Булгара и богатых прикамских болгарских городов... Только Новой Казани... суждено было самостоятельно

выступить на арену истории...»²¹. С конца XIV в. «будущая историческая роль Казани была уже намечена. Ее служебная, ее подчиненная по отношению к Булгару роль – окончилась. Казани предстояло самостоятельно выступить на арену истории. Нужен был только энергичный и смелый претендент-авантюрист, который сумел бы вызвать к жизни запустевший “Саинов юрт”, сделав его новым, сильным и влиятельным центром восточно-европейского мусульманского мира. Такой претендент нашелся в лице золотоордынского изгнанника, сарайского экс-царя Улу-Махмета, водворившего свою власть на старом казанском “змеином точевище”»²². Ссылаясь на сведения «Казанской истории», «Очерк истории Булгарского и Казанского царств» Шигабутдина Марджани, опровергая мнение Владимира Вельяминова-Зернова, Н. Загоскин называет Улуг-Мухаммада первым ханом Казани²³, хотя далее пишет: «Воцарение в 1445 году на Казани Махмутека – первый вполне достоверный факт, которым открывается живая летопись самостоятельного Казанского царства, сменяющая собою легендарный период истории города Казани и его края»²⁴. На последующих страницах указателя мы находим «важнейшие факты» по политической истории Казанского ханства, расположенные в порядке царствования ханов (с.32–86), сведения об археологических памятниках татарской Казани, в т.ч. о городище Иски-Казань, о Ханском дворце, о башне Сююмбике, о казанских подземных ходах и исторических урочищах (с.91–109), информацию о завоевании Казани (с.72–86) и «инородческих движениях и мерах к умиротворению края» (с.135–138) и т.д.

Работы, посвященные истории Казанского ханства и изданные с начала XX по начало XXI в., существенно отличаются по содержанию от всех вышеназванных. В них уже история этого государства анализируется на базе гораздо более широкого круга

источников (письменных, археологических, этнографических, лингвистических и т.д.) и историографии (на разных языках), гораздо более пристальное внимание уделяется этносоциальной и социально-экономической истории ханства, вопросам материальной и духовной культуры, серьезнее и объективнее анализируются политические события и факты. Думаю, будет правильно, если я выделю из всей совокупности исторической литературы XX–XXI вв., так или иначе касающейся истории Казанского ханства, несколько монографий, явившихся действительно событием в деле научного изучения этого средневекового государства. В этот период, на мой взгляд, качеством и объемом информации отличились следующие работы: Ахмеров Г. История Казани. – Казань, 1909 (на тат. яз.); Атласи Х. Казанское ханство. – Казань, 1914. – Ч.1 (на тат. яз.); Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1923; Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. XV – первая половина XVI вв. – М., 1950 (рукопись диссертации... к.и.н.); Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995; Исхаков Д. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань, 1998; Алишев С. Из истории Казанского ханства. – Казань, 2003 (на тат. яз.).

Рассмотрим содержание названных семи монографий. Отметим, что подробный критический анализ названных работ не является моей целью, т.к. в этих работах затронуты очень много проблем этнополитического и социально-экономического развития Казанского государства – основание государства, формирование «ханства», государственная территория и административное устройство, этнополитическая и этносоциальная преемственность от Волжской Булгарии и/или Золотой Орды, воз-

никновение Казани и оформление ее как столицы государства, внутренняя и внешняя политика казанских ханов, их биографии, экономика и культура страны, этническая и социальная структура населения, этнические территории и т.д. и т.п.²⁵.

«История Казани» историка-археографа Гайнетдина Ахмерова²⁶ (1864–1911) возникла на основе его лекций, прочитанных в 1909 г. в Восточном клубе города Казани²⁷. В монографии автор рассматривает многие стороны истории города Казани и Казанского ханства. Казань, по мнению Г. Ахмерова, была основана как торговый центр еще булгарскими купцами. Несколько разделов книги посвящены исследованию дискуссионной проблемы этнополитической преемственности Волжской Булгарии и Казанского ханства. Г. Ахмеров, как и в предыдущей своей работе (История Булгарии. – Казань, 1909, на тат. яз.), активно отстаивает свою точку зрения о самой прямой преемственности этих двух государств. Далее в своей монографии автор рассматривает историю возникновения и этнополитическое, социально-экономическое развитие Казанского ханства.

В 1914 г. свет увидел труд историка-педагога Хади Атласи²⁸ (1876–1938) «Казанское ханство»²⁹. Он охватывает период со времени основания города Казани до потери Казанским ханством своей независимости. Известное нам произведение – это лишь первая часть монографии, отражающая в основном политическую историю государства. Здесь автор использовал форму подачи материала, широко практикуемую и в восточной, и в европейской историографии, – информация дана блоками, охватывающими время правления того или иного хана. Исключением являются три первых раздела, в которых рассматривается становление столицы государства, возникновение ханства и история ее первых правителей. Автор делает осторожный вывод, что современная Казань была основана не ра-

нее второй половины XIV и не позднее первой половины XV в. Первым ханом Казани он называет Улуг-Мухаммада. В последующих разделах монографии автор рассматривает политическую историю Казанского ханства вплоть до начала 50-х гг. XVI в. Информация, представленная в этих разделах, в целом объективна и в достаточной степени содержательна. Она базируется на сообщениях иностранных писателей, записках князя Курбского, русских письменных источниках летописного и дипломатического характера, на русских и тюрко-татарских исторических сочинениях и т.д.

В 1923 г. свет увидела монография историка Михаила Георгиевича Худякова³⁰ (1894–1936) «Очерки по истории Казанского ханства»³¹, до сих пор являющаяся базовой при изучении истории Казанского государства. В ней использованы восточные и европейские письменные, археологические, этнографические и фольклорные источники, обширная научная литература, в том числе работы татарских исследователей Ш.Марджани, Х.Амирханова, Г.Ахмерова, А.-З.Валиди, Х.Атласи, Г.Баттала, Г.Губайдуллина (Г.Газиза) и др. Комплексное использование информации различных по квалификационному и этническому происхождению источников и критический синтез сообщений, содержащихся в исторических трудах, позволили М.Худякову вполне объективно и достаточно систематизированно осветить историю Казанского ханства. Если внимательно посмотреть содержание работы М.Худякова, видно, что она подразделена на 3 основных тематических блока: политическая история ханства, социально-экономическое положение государства, столица страны. Политическая история Казанского ханства излагается в монографии в соответствии с установленной автором периодизацией: возникновение государства, период могущества, эпоха русского протектората, эпоха национального возрождения, падение ханства,

война за освобождение и независимость. При этом автор уделяет самое пристальное внимание правлению того или иного хана, взаимоотношениям так называемых «русской» и «восточной» партий, составу правительства государства, отношениям Казани и Москвы, военным конфликтам между казанскими татарами и русскими и т.д. Достаточно скрупулезно исследованы ученым причины падения Казанского ханства. Социально-экономическая история Казанского государства исследована М.Худяковым менее подробно, но в то же время довольно емко: дан анализ правящей элите государства, духовенству, сановникам, податному населению, институтам государственного управления, экономике, культуре, военному делу и т.д. Примечательно выделение автором отдельного параграфа, посвященного культурному влиянию татар на Россию. В разделе, раскрывающем историю столицы государства города Казани, ученым рассмотрены следующие проблемы: возникновение города, его месторасположение, предместья и посады, общий вид столицы и т.д. Здесь же дается анализ зодчества казанских татар. Кроме названных основных трех тем в работе М. Худякова нашли отражение и многие другие не менее важные вопросы. Речь идет о разработке автором проблем исторической географии ханства, этнической истории государства (формирование, расселение, демографическое развитие основного и периферийного населения) и т.д. Вполне естественно, что, исследуя историю Казанского ханства, М. Худяков не все вопросы осветил на одинаковом уровне. Это явилось следствием самых разных причин. Как видно из вводной части работы, основными из них были: недостаток источников («История Казанского ханства едва ли когда-либо будет исследована с желаемой полнотой. Причина этого заключается в том, что погибли главнейшие, основные источники...»³², «целые катего-

рии источников остались нам недоступными»³³), понимание автором ограниченности своего научного потенциала («Приступив к составлению настоящей работы, мы далеки от намерения дать в ней освещение или хотя бы затронуть историю Казанского ханства во всей ее полноте. Это дело, быть может, далекого будущего, и задача не одного отдельного лица, а коллективных трудов целого ряда ученых. История Казанского ханства должна быть освещена не в одной исчерпывающей работе, а в целой литературе, которую создадут совместные усилия историков, архивистов, этнографов, историков права и др. ученых»³⁴), недостаток литературы («Автор взялся за перо лишь с исключительной целью обратить внимание знатоков и специалистов на данный предмет, имеющий так много права на разработку и до сих пор так мало исследованный»³⁵), «тяжелые материальные условия, в которых создавалась настоящая книга»³⁶, и т.д.

Кандидатская диссертация Шамиля Фатыховича Мухамедьярова³⁷ (р. 1923) «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)»³⁸ была написана к 1950 г. под научным руководством члена-корреспондента АН СССР, профессора М.Н.Тихомирова и успешно защищена в Москве в 1956 г. В монографии затронуты многие проблемы политической и социально-экономической истории Казанского государства, что видно даже из названия разделов: «Хозяйство Казанского ханства», «Феодальное землевладение», «Положение крестьянства», «Ремесло и торговля в Казанском ханстве», «Государственный строй Казанского ханства». На мой взгляд, рассматривая работу Ш. Мухамедьярова, в первую очередь необходимо обратить внимание на шестую главу его работы, содержащую информацию о государственном строе Казанского ханства, а также на заключение, где содержатся основные выводы исследования. Рас-

смотрим вкратце, какие же выводы делает Ш.Ф. Мухамедьяров в заключение своей диссертации: «Изучение социально-экономического и государственного строя Казанского ханства показывает, что на территории ханства господствовали феодальные отношения. Казанские татары и другие народности края переживали в XV – первой половине XVI вв. феодальную формацию. Земледелие было главным занятием жителей, было основой феодального способа производства в Казанском ханстве. Земледельческая культура Казанского ханства была преемственно связана с предшествовавшей ей богатой земледельческой культурой волжских болгар. Основными земледельческими районами [государства] были Заказанье и Горная сторона... Земля в Казанском ханстве являлась основным средством и условием производства. Отношением к земле определялось положение в обществе отдельных лиц, групп и классов... Татарское феодальное общество состояло из двух основных групп населения: из феодалов и крестьян... Типичной формой поземельных отношений в Казанском ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (феод – сойюргал – вотчина). Феодалы пользовались иммунитетом, основой которого были не пожалования ханов, а владение феодалов землей. Сойюргал, соответствующий лену – феоду, представлял наиболее типичные отношения развитого казанского феодализма... Рост производительных сил и связанное с этим разделение труда, отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства способствовали развитию поселений городского типа на территории Казанского ханства. Наличие в Казани значительного ремесленно-торгового населения показывает, что Казань была крупным торговым центром ханства... Феодальным производственным отношениям Казанского ханства соответствовали феодальное государство и феодальное право... Казанское

ханство было феодальной монархией, в которой деятельность монарха – хана направлялась феодальной курией и съездами феодалов. Государственные учреждения ханства носили классовый характер и обслуживали нужды господствующего класса феодалов...».

В 1995 г. свет увидела монография Саляма Хатыповича Алишева³⁹ (р. 1929) «Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.»⁴⁰. В этой книге ученый, опираясь на богатый материал письменных источников и историографии, дает свою интерпретацию образования и развития Казанского ханства, рассказывает о сложных и противоречивых политических взаимоотношениях между Казанским и Московским государствами на протяжении XV–XVI вв. В монографии подробно освещаются постоянно возрастающее напряжение во взаимоотношениях Казани и Москвы, соперничество, дипломатические игры, конфликты, перипетии борьбы Казани за сохранение своей самостоятельности. Повествование завершается описанием взятия Казани, потери Казанским ханством своей независимости. Для нашей темы наибольший интерес вызывает раздел книги, озаглавленный «Казанское феодальное государство», включающий параграфы «Образование Казанского ханства» и «Население Казанского ханства и Золотой Орды»⁴¹.

В 1998 г. из печати вышла книга Дамира Мавляевевича Исхакова⁴² (р. 1952) «От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.)»⁴³. Работа кандидата исторических наук (ныне доктора исторических наук) Д.М. Исхакова была подготовлена в соответствии с исследовательским проектом АН РТ № 07–10/98-г. (02) «Очерки этнополитической истории татар» (руководитель – Р.С. Хакимов). Научный редактор издания – доктор исторических наук, профессор, действительный член АН РТ М.А. Усманов. Монография Д.М. Исхакова посвяще-

на исследованию проблем этносоциальной истории волго-уральских татар XV–XVII вв., остающихся остро дискуссионными. В работе, выполненной на стыке этнологии и истории, обсуждаются такие практически не изученные в отечественной историографии вопросы, как социальная стратификация в татарских обществах Поволжья XV–XVII вв. и ее связь с этническими процессами; административно-политическое устройство постзолотоордынских татарских ханств и его отношение к клановым делениям; взаимоотношения Ногайской Орды с Казанским и Касимовским ханствами и роль ногайского компонента в формировании этнического облика волго-уральских татар; значение тюрко-угорского – «иштякского» этнического наследия в сложении приуральской группы татар; отличия татарских этнических общностей XV–XVI вв. от этноса волго-уральских татар XVII в. и ряд других, более частных вопросов. На основе анализа обширного фактологического материала автор, взамен существующих «булгаристской» и «татаристской» концепций этнической эволюции татар Волго-Уральского региона, предлагает синтетическую концепцию их этноистории, лишенную крайностей имеющихся подходов и открывающую путь к серьезному, основанному на теоретической базе, изучению этноистории периода Золотой Орды. В работе Д.М. Исхакова использован широчайший круг архивных и опубликованных источников, а также большое количество литературы на русском, английском и тюркских языках. Отличительная черта работы заключается в том, что автор активно использует современную методологию изучения этносов, этносоциальных процессов. На основе анализа многочисленных источников автор монографии приходит, в частности, к следующим основным выводам:

1) XV – середина XVI в. – это позднезолотоордынский этап этнической эволюции волго-уральских татар;

2) «На позднезолотоордынском этапе в Казанском и Касимовском ханствах происходило становление двух близкородственных тюркских народностей – казанских татар и мишарей, завершённое в первом государстве – к середине, во втором – к концу XVI в. ... Оба этноса типологически относятся к одной группе феодальных народностей»;

3) «В сложении народностей казанских татар и мишарей основную роль сыграли этнически близкие субстратные компоненты (булгары – у первых и буртасы или можары – у вторых) и общий суперстрат в лице «татар» – золотоордынско-тюркских групп, включая и ногайцев»;

4) «...Для образовавшихся в рамках рассматриваемых ханств [Казанского и Касимовского] государствообразующих этносов была присуща сословная стратифицированность – явление, весьма распространённое в феодальных обществах. Но у волго-уральских татар эти сословные деления обладали особенностью, связанной с социально-политической структурой, унаследованной от Золотой Орды. Эта структура отражала бывшее взаимодействие оседло-земледельческого и кочевого тюркского населения, происходившего в пределах Золотой Орды. В позднезолотоордынских татарских ханствах, в данном случае – в Казанском и Касимовском ханствах, социальная стратификация в государствообразующих этносах строилась на этносословном принципе, когда «чёрнь» (ясачное население) генетически восходила в целом к дозолотоордынским этническим общностям (булгарам – у казанских татар и буртасо-можарам – у мишарей), а слой феодалов состоял преимущественно из золотоордынских групп с клановым делением («татары»)»;

5) «Сложные политические связи Казанского и Касимовского ханств с Ногайской Ордой, начиная с последних десятилетий XV в., обусловили обширность этнокультурных контактов тюркского населения Ногайской

Орды с формирующимися этносами казанских татар и мишарей. Одним из последствий этого взаимодействия стала неопределённость этнических границ казанско-татарского этноса на северо-западе Приуралья, где этнически родственные казанским татарам группы ногайцев и «иштяков» постепенно консолидировались в «башкир» и «татар» с весьма неясными этнодифференцирующими признаками»;

6) «Этнические процессы, происходившие в XV – середине XVI вв. в позднезолотоордынских татарских государствах Волго-Уральского региона, однозначной оценке не поддаются. С одной стороны, если учесть их конечный результат – сложение в рамках ханств двух самостоятельных этносов – казанских татар и мишарей, эти процессы должны быть признаны этногенетическими. Тогда и весь позднезолотоордынский (татарский) период необходимо будет считать этапом этногенеза новых татарских народностей. Но, с другой стороны, этносословная «двухполюсность» татарских общностей ханского времени явно восходит к периоду Золотой Орды – иначе вряд ли была бы возможна ситуация, когда весь верхний слой – «татары» с клановым делением – в известных позднезолотоордынских обществах, особенно в Крымском, Казанском и Касимовском ханствах, выступал как некая целостность. Следовательно, этническую динамику татарских этнообразований XV – середины XVI вв. можно рассматривать и как результат дальнейшей трансформации сложившейся ранее этнополитической общности. В этом случае позднезолотоордынский период придется трактовать как этап в этнической истории этой последней общности. Отсюда вытекает, что обе существующие концепции формирования волго-уральских татар – «булгаристская» и «татаристская» – являются односторонними из-за своих крайностей: в первом случае обнаруживается недооценка золотоордынско-тюркской, а во втором – дозоло-

тоордынской составляющих татар. Более предпочтителен, как я думаю, синтетический подход, вытекающий из того анализа, который проведен в настоящем исследовании. В концептуальном плане он может быть сформулирован следующим образом: позднезолотоордынский период татарской истории этногенетическим являлся лишь в той мере, в которой, благодаря распаду более ранней золотоордынской этнополитической общности, произошло становление отдельных татарских народностей на основе консолидации локальных этнополитических формирований. В не меньшей степени этот исторический отрезок может быть определен и как время продолжения этнической истории золотоордынских татар. Во-первых, формирование самостоятельных татарских народностей не привело к их взаимной изоляции – они продолжали сохранять многочисленные политические и этнокультурные связи, а также единство этнического суперстрата. Во-вторых, у этого суперстрата длительное время продолжало существовать «материнское» объединение (до 1502 г. в виде Большой Орды, а затем – Ногайской Орды), выступавшее как некое этническое «ядро» всей татарской общности. С другой стороны, в силу сословных перегородок и «черный» слой татарских народностей XV – середины XVI вв. мог продолжать сохранять в какой-то мере свою этническую специфику, обладая особой этнокультурной динамикой. Это не противоречит выводу о том, что к середине XVI в. уровень консолидации локальных татарских общностей позволяет считать их самостоятельными этносами. В то же время ясно, что золотоордынский период, когда началось взаимодействие «татарских» и «дотатарских» этнических групп, предопределил всю дальнейшую этническую эволюцию волго-уральских татар. Именно поэтому эпоху Золотой Орды следует признать ключевой для этноистории татар Волго-Уральского региона...».

Совсем недавно – в 2003 г. была издана книга С.Х. Алишева «Казан ханлыгы тарихыннан» («Из истории Казанского ханства», на тат. яз.)⁴⁴. В этой книге собраны многие ранее изданные работы ученого по проблемам истории татарского народа периода средневековья – нового времени, написанные начиная с 1970-х гг. Как указывает сам автор во Введении к изданию, в текст заново публикуемых статей были внесены лишь незначительные исправления и дополнения. Наибольший для нашей темы интерес вызывают три первых раздела книги под названием «Из истории Казанского ханства»⁴⁵, «Татарские источники периода Казанского ханства»⁴⁶ и «После падения Казанского государства»⁴⁷. Первый раздел включает в себя следующие очень содержательные статьи: «Формирование татарского народа», «Образование Казанского государства», «Внутреннее состояние Казанского государства», «Международное положение Казанского ханства», «Крушение Казанского государства», «Положение татар после завоевания Казани». Второй раздел содержит следующие статьи: «Документальные источники» («Ярлыки казанских ханов» и «Татарские письменные источники, отражающие вопросы землевладения»), «Эпиграфические памятники» («Надмогильные письмена» и «Шеджере»), «Устное народное творчество», «Произведения художественной литературы». Третий раздел состоит из двух подразделов: «Политика Русского государства и колонизация татарских земель», «Национальная освободительная борьба татарского народа». Информация, содержащаяся во всех вышеперечисленных статьях, богата и содержательна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О нем см.: ТЭС. –С.667–668.

² Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. –Казань, 1877. – 586+XXVI с.

- ³ О нем см.: ТЭС. –С.433.
- ⁴ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). –М., 1877. –332 с.; Его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). –Одесса, 1882. –404 с.
- ⁵ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. –С.116.
- ⁶ Там же. –С.116–117.
- ⁷ О нем см.: ТЭС. –С.344.
- ⁸ Мәржани Ш. Әл-кыйсьме әл-әүвәл мин китаби Мөстәфад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. –Казан, 1885–1900. –2 к. До этого Ш. Марджани уже публиковал исторические сочинения по истории Средней Азии эпохи Караханидов.
- ⁹ Об этом см., например: Усманов М.А. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». Ч.1. Казань, 1885 // Очерки истории Поволжья и Приуралья. –Казань, 1969. –Вып.2/3. –С.144–154.
- ¹⁰ См., например: Гараева Н.Г. Материалы «Вафийат ал-аслаф...» Ш. Марджани по истории Поволжья // Марджани: наследие и современность. –Казань, 1998. –С.51–60.
- ¹¹ О нем см.: ТЭС. –С.438.
- ¹² Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки истории, достопримечательностям и современному положению города... / Сост. М. Пинегн. –СПб., 1890. –604+XVI+LVIII с.
- ¹³ О нем см.: ТЭС. –С.195.
- ¹⁴ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н.П. Загоскина. –Казань, 1895. –691+XXXVI с.
- ¹⁵ Там же. –С.11, а также см. с.16.
- ¹⁶ Там же. –С.16.
- ¹⁷ Там же. –С.10.
- ¹⁸ Там же. –С.3.
- ¹⁹ Там же. –С.17, 19, 24.
- ²⁰ Там же. –С.17–19.
- ²¹ Там же. –С.20.
- ²² Там же. –С.30–31.
- ²³ Там же. –С.33–34.
- ²⁴ Там же. –С.37.
- ²⁵ Подробнее см.: Хамидуллин Б. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. –Казань, 2002. –С.36–98.
- ²⁶ О нем см.: ТЭС. –С.49.
- ²⁷ Әхмәров Г. Казан тарихы. –Казан, 1909. –116 б.
- ²⁸ О нем см.: ТЭС. –С.46.
- ²⁹ Атласи һ. Казан ханлығы. –Казан, 1914. –I ж. –133 б.
- ³⁰ О нем см.: ТЭС. –С.635. См. также: Хамидуллин Б. Михаил Худяков – яркий представитель историографии истории Казанского ханства // Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. –Казань, 2004. –С.3–30.
- ³¹ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. –Казань, 1923.– 302 с.
- ³² Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. –М., 1991. –С.12.
- ³³ Там же. –С.15.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. –С.16.
- ³⁷ О нем см.: ТЭС. –С.378.
- ³⁸ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Институт истории АН СССР. Рукопись диссертации... к.и.н.–М., 1950.– 367 с.
- ³⁹ О нем см.: ТЭС. –С.27.
- ⁴⁰ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. –Казань, 1995.– 160 с.
- ⁴¹ Там же. –С.7–28.
- ⁴² О нем см.: ТЭС. –С.231.
- ⁴³ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волгоуральских татар XV–XVII вв.) / Институт истории АН Татарстана. Серия «Этнополитическая история татар». –Казань, 1998.– 276 с.
- ⁴⁴ Алишев С. Казан ханлығы тарихыннан. –Казан, 2003. –336 б.
- ⁴⁵ Там же. –С.5–63.
- ⁴⁶ Там же. –С.64–133.
- ⁴⁷ Там же. –С.134–153.

(Продолжение следует)